

ИСТОРИИ

ПУЛЬС МИРА НА ДОНБАССЕ

«У КОГО ЕСТЬ “ЗАЧЕМ”, ТОТ ВЫДЕРЖИТ ПОЧТИ ЛЮБОЕ “КАК”»: ПРАВИЛА ЖИЗНИ СТАНИСЛАВА АСЕЕВА

Помогает ли философия легче пережить тюремное заключение, как добежать до Лиссабона, живя в Киеве, и какие цели в жизни появляются после освобождения – об этом новая рубрика бюллетеня «Пульс мира» – Правила жизни, и открывает ее рассказ Станислава Асеева.

Писатель и философ из Донецка, а ныне автор «Радио Свобода» и эксперт «Украинского института будущего» Станислав Асеев провел 2,5 года в плену, из этого большую часть срока – в тюрьме на территории бывшего завода «Изоляция» [в оккупированном Донецке](#) и бывшего арт-центра с таким же названием. Подробности пребывания в «Изоляции» Станислав описывает в своей книге [«Светлый путь» - история одного концлагеря](#) и в сборнике эссе [«В изоляции»](#), которая недавно принесла ему в Украине Шевченковскую премию. «Изоляции» же посвящен и один из разделов недавнего [доклада](#) Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека.

*Сегодня бежал мимо парня на
набережной, игравшего на трубе
под звуки орудий. Вот почему я
всё ещё здесь.*

*Уже три недели ни с кем не
общался в живую. Круг
замкнулся. Исключение
составляют кассиры, которые
спрашивают, нужен ли мне
пакет. Донецк стал одиночной
камерой, или кельей монастыря.*

Из дневников Станислава Асеева,
2016 год

У меня жизнь слилась с этой позицией – бывший пленный. Я вообще вне этой формулировки, наверное, и не существую. Я недавно говорил в интервью, что для меня это стало с одной стороны необходимостью, поскольку я журналист и ко мне больше внимания со стороны прессы, у меня больше возможностей рассказать об этом. Я вообще уже не представляю, как бы сложилась жизнь, если бы не было этого срока.

В колонии с книгами было проще, потому что там целая библиотека и официально разрешены передачи, а вот в подвалах и в «Изоляции» с этим действительно сложно. Но на вес золота в изоляции была именно книга Виктора Франкла «Психолог в концлагере». Это первое, что мне дали. Ее хранили под подушкой, и давали читать всем вновь прибывшим, хотя администрация прекрасно знала, что она есть. Я сказал, что уже читал ее, но меня все равно заставили, сказали «на, прочитай еще раз – пригодится». Это были первые сутки в «Изоляции», и я просто еще не понимал куда я попал. Казалось, что это обычная тюрьма, хотя уже в первые же сутки стало понятно, что что-то не так.

На счет этой фразы Франкла «у кого есть “зачем”, тот выдержит почти любое “как”» – я ее даже однажды передал маме, когда у меня еще были свидания, в записке, которую мне позволили передать. Эта фраза действительно потрясающая. «Зачем» – это краеугольный камень людей, которые попадают в эту систему. Если у вас нет этого «зачем» может быть что угодно. Однажды в нашу камеру попал человек, которому через несколько дней супруга передала какие-то продукты и внутри была маленькая записка. Буквально несколько слов, но суть была не в этом. Вся записка была в ее поцелуях, следах помады. Этот человек просто расцвел, и ему было уже наплевать, что вокруг происходит.

Вторая важная книга именно из плена – братья Вайнеры «Петля и камень в зеленой траве». Кстати, это та книга,—цитату из которой я взял в качестве эпиграфа к собственной. Если не ошибаюсь так это звучит: «дым печей Заксенхаузена и Освенцима оседает на льдах Магадана и Колымы». Это тоже

очень сильная книга, хотя название довольно странное и длинное, но тем не менее я бы всем советовал прочитать.

Про Донбасс сейчас стоит читать, наверное, Дениса Казанского, который буквально недавно написал книгу про то, как Украина теряла Донбасс. И Сергея Жадана с его «Ворошиловградом», написанным еще до войны. А из фильмов хочу отметить «Атлантиду» Валентина Васяновича, еще одного лауреата Шевченковской премии в области кинематографа. Очень специфично снятый фильм: вроде бы художественный, но на самом деле создает ощущение полное реальности того, что там происходит.

Одна женщина написала мне, что читала мою книгу всю ночь. И, когда дочитала, оставшуюся часть ночи, до утра, она плакала. Наверное, это на меня произвело самое большое впечатление. Но те люди, которые начинают ее для чего-то читать на ночь, говорят, что заканчивают за один раз, не откладывают и в общем-то даже не ложатся спать. Хотя конечно такую книгу я вообще не рекомендовал бы читать на ночь, потому что это какой-то мазохизм перед сном.

Я сразу сказал издательству, что первый реципиент моей книги – Россия. Это очевидно. Не только потому, что она написана на русском языке, но и потому что в общем-то «Изоляция» и МГБ ДНР [«министерство государственной безопасности» «Донецкой народной республики»], понятное дело, полностью контролируются Федеральной службой безопасности. И никому неизвестно, что там происходит в том числе с гражданами России, которые приехали туда воевать за «русский мир». Ведь там же сидели и россияне. И продолжают сидеть. И в «Изоляции», и в СИЗО.

Большей частью россияне не понимают, что происходит на Донбассе. Даже в либеральных кругах. Поэтому, я бы все-таки посоветовал прочитать эту книгу, а после этого пообщаться. По той обратной связи, что я получаю, мне кажется, она производит прежде всего сильное эмоциональное впечатление. Человек меняется, может быть, не идеологически, а эмоционально. Именно через призму того, что там происходило с людьми без каких-то идеологических оценок. То есть «укропы», русские, мирные люди – там уничтожают всех. Просто личность как таковую.

К нам в камеру попал человек, который поддерживал т.н. «ДНР», был одним из местных бизнесменов. Администрация, выведя его за пределы нашей камеры и допрашивая прямо в коридоре, спросила вообще о его взглядах. Он сказал, что патриот «ДНР» и в этом коридоре стоял просто хохот. Но смеялась-то сама администрация «Изоляции». МГБ. И ему сказали «ты идиот просто. Вообще не понимаешь ничего». Но те, кто нас пытал, очень хорошо понимают, как все устроено, и знают, что завтра могут сами оказаться на нашем месте. И вот эта иррациональность зла – то, что дало очень сильный импульс выжить. Я хотел все это пережить и как минимум про это рассказать.

Моя просьба к западному гражданскому обществу – упоминать слово «Изоляция» в любом дискурсе, который связан с нарушением прав человека, чтобы это слово звучало везде и всегда. Для себя я вижу именно такой алгоритм - публичная позиция, чтобы это слово стало нарицательным. К

сожалению, до уровня топ-политиков России тема «Изоляции» еще не дошла, но в будущем это бросит на Россию огромную тень.

Во время коронавируса большинство людей столкнулись с самоизоляцией. Но для меня, естественно, для человека, который только что вышел из мест лишения свободы, находиться в собственной квартире с телевизором, с интернетом, с возможностью выхода в супермаркеты и т.д., для меня это вообще не было и не является на сегодняшний день проблемой. В целом у меня рецепт один для себя – это бег. Я всегда бегал, когда психологическое состояние ухудшается и продолжаю этим заниматься. Бег вошел в достаточно хорошую привычку, традицию. Может быть бег – это как раз то, что я бы посоветовал людям, которым тяжело психологически во всей этой ситуации.

Опыт «Изоляции» и тюрьмы учит, что нужно искусственно искать это «зачем?». Это ведь касается не только стен 2 на 2 метра где ты перемещаешься от стены до стены. На самом деле и в обычной свободной жизни если у тебя нет вот этого «зачем?» – для чего жить – человек все равно впадает в депрессию. Поэтому я искусственно толкаю себя в шею, заставляю создавать какие-то проекты. Например, идея добежать до Лиссабона. Такая абсурдная казалось бы. Зачем? Почему именно до Лиссабона? Нет никакого рационального ответа. С таким же успехом можно бежать до Львова или до Парижа. У меня, знаете, в сознании так: если брать от Киева – это крайняя точка Западной Европы, и очень хочется увидеть океан.